

СОЛИДАРНОСТЬ

БЛЭ Мари-Клод – доктор философии и педагогических наук, профессор Университета Руан-Нормандия, исследователь Междисциплинарного центра изучения ценностей, идей, идентичностей и компетенций в образовании и обучении, Франция.

Аннотация. В статье показано, как зарождалась и развивалась идея солидарности в XIX – XX вв., отвечая на трудности осмысления социальной связи между индивидами, которых Великая французская революция объявила свободными и равными в правовом отношении. Под солидарностью в наше время понимается совокупность настроений и действий граждан по оказанию взаимной поддержки, направленных на укрепление сплоченности общества. Однако во Франции XIX в. это понятие имело иные смыслы. С использованием взятой у Сен-Симона метафоры общества как живого организма, дополненной понятиями функции, ассоциации и кооперации, концепт солидарности поначалу разрабатывался П. Леру с опорой на христианскую традицию. В дальнейшем возникли теоретические модели солидарности Ш. Ренувье, А. Фуллье и Э. Дюркгейма. В “солидаризме” Л. Буржуа солидарность обрела политическое выражение как доктрина Третьей Республики. Сегодня к этому понятию вновь проявляется повышенный интерес, но его использование создает немало проблем, анализируемых в заключительном разделе статьи.

Ключевые слова: солидарность • солидаризм • социализация • кооперация • взаимопомощь • социальная интеграция • моральное единство общества

DOI: 10.31857/S013216250000757-5

На «солидарность» сегодня беспрестанно ссылаются. Она обрела статус правового принципа в тексте договора о Европейском Союзе¹. Но что означает солидарность в строгом смысле? Идет ли речь о чувстве симпатии, побуждающем нас к взаимопомощи, или о реальности, какой является взаимозависимость между всеми людьми? Или это моральная ценность и даже моральный долг? Откуда пришло к нам это загадочное понятие, которое, похоже, призвано было заменить третье слово в девизе Французской Республики?²

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно изучать условия появления и развития идеи солидарности. Легко установить, что эта идея проходит через весь французский XIX век: она выражает сложность понимания социальной связи, проявившуюся на завершающем этапе Революции 1789-1796 гг. До 1789 г. индивиды были связаны корпоративной общностью и наследуемой словной принадлежностью. С принятием Декларации прав они стали юридически равными и свободными. Солидарность оказалась необходимой, чтобы размышлять над проблемой, которая отныне стала одной из важнейших. Эту проблему можно сформулировать так: что обеспечивает связь между индивидами, окончательно освобожденными?

Представления о солидарности пришли в политику и социальные науки из области права. Статья 1202 французского Гражданского права от 1804 г. определяла солидарность как «обязательство, по которому одни индивиды принимают на себя исполнение определенных обязанностей в отношении других, и каждый – в отношении всех остальных». Представления о солидар-

Перевод по: Blais M.-C. La Solidarité // Presses Universitaires de Caen «La Telemaque» 2008/1 (N. 33): 9-24. Текст размещен на сайте журналы: URL: <https://www.cairn.info/revue-le-telemaque-2008-1-page-9.htm> (дата обращения: 3.4.2018). Дается в сокращении.

¹ Декларации солидарности содержатся в преамбуле Договора о Европейском Союзе («ЖЕЛАЯ углубить солидарность между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций...») и далее: Евросоюз «...содействует социальной справедливости и социальной защите, равенству женщин и мужчин, солидарности поколений и охране прав ребенка. Он содействует экономическому, социальному и территориальному сплочению и солидарности государств-членов» (Ст. 3.3), «...способствует миру, безопасности, устойчивому развитию планет, солидарности и взаимному уважению народов...» (Ст. 3.5) и т.д. См.: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения 3.4.2018) - Прим. пер.

² То есть братство (девиз Франции – Liberté, Égalité, Fraternité) – Прим. пер.

ности распространились в прогрессивных кругах периода Реставрации, они прослеживаются в философии Второй Республики и в нарождающейся социальной науке, прежде чем на рубеже 1900 г. получили широкое политическое признание. Таковы этапы, которые я намерена очертить, прежде чем переходить к обсуждению вопросов, поставленных современным обновлением представлений о солидарности.

Множественный генезис

С 1830-х гг. французское общество было охвачено опасениями перед распадом связей между людьми. Под воздействием промышленной революции интересы немногих оказались в противоречии с ухудшением положения значительной массы. Как побороть социальную атомизацию и остановить рост классового расслоения внутри того, что Революция считала «социальным телом»? Образ «тела» с уподоблением общества живому организму был характерен для той эпохи. Он широко распространился среди прогрессистов благодаря Сен-Симону, который в 1802 г. предложил изучать общество как «организованное тело», в котором ни один орган не может жить независимо от других. И поскольку солидарность характеризует жизнь общества, считалось возможным применять к обществу законы, относящиеся к организму, включая закон ассоциации. Идеи ассоциации и кооперации, укрепившиеся благодаря стремительному развитию естественных наук, сыграли огромную роль в становлении этого понятия. Они будут сопровождать рефлексии о «социальной науке» всего XIX века.

Идея солидарности находила опору в иудео-христианской традиции. Святой апостол Павел говорил: «Все мы одним духом крестились в одно тело» (1Кор: 13), «Дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге» (1Кор: 25). Среди реформаторов, которых тогда еще не относили к социалистам, были люди, охваченные христианским мистицизмом, обеспокоенные исчезновением традиционных религиозных связей и формированием индивидуалистического общества. Они признавали классовое деление общества, выступали за союз между классами и были устремлены к всеобщему общественному единению рода человеческого. Понятие солидарности позволяло им найти истину в христианских догмах – приобщение через причастие, коллективное искупление в мирском обрамлении.

П. Леру входил в когорту учеников Сен-Симона и издавал журнал «Le Globe» – официальный орган сенсимонистов. Он был республиканцем и противником конституционной монархии. Вознамерившись создать новую светскую религию, необходимую человечеству, в 1840 г. он опубликовал книгу «О человечестве, его истоках и его будущем, с изложением правильного определения религии» [Leroux, 1840]. В ней в качестве эпиграфа приведена выдержка из Св. Павла: «Так, мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь мы один для другого члены» (К римлянам 12:5). П. Леру намеревается показать «общность человеческого рода, или, иными словами, взаимную солидарность людей». Позже он скажет, что термин «солидарность» позаимствован у легистов³, чтобы ввести его в философию и религию: «Я стремился заменить христианское милосердие человеческой солидарностью». Речь шла о том, чтобы избежать опасности «двух пистолетов, нацеленных друг на друга», – индивидуализм экономистов и коллективизм социалистов. Фактически он ищет преодоления роковой дилеммы, которая проходит через историю выработки этого понятия: как примирить стремление индивида к свободе с реалиями уз, связующих индивидов в общество?

Его слова показательны: выработать светский эквивалент древних религиозных концепций, опираясь на опыт науки. Выявленная физиологией внутренняя координация частей организма может выступить продолжением христианской идеи единения членов мистического тела, восславленного апостолом. Развитие идеи солидарности совершалось на пересечении двух процессов, определявших тогда формирование всей социальной науки: светского преломления религиозных идей и умозрительного использования идей науки.

Противоречивые толкования

Эта ситуация концепта, возникшего на пересечении разных течений мысли, объясняет множественность интерпретаций, которые давались в отношении солидарности. Уже в первых фор-

³ Средневековые юристы, способствовавшие распространению римского права в Западной Европе. – *Прим. пер.*

мулировках эта идея допускала присутствие различных, даже противоположных версий. Независимо от социалистических устремлений, под знаком которых её выдвигали, она могла отстаиваться традиционалистами, жаждавшими возвращения естественных солидарностей и духовной сплоченности старого строя. В 1821 г. Ж. де Местр – контрреволюционный мыслитель – стал возрождать догму «священного братства», дав ей имя «солидарности». Некоторые либеральные экономисты ухватились за идею, рассуждая о гармонии интересов и согласовании труда каждого с процветанием всех. Несмотря на кажущуюся конфликтность, говорили они, Провидение направляет общество к сплоченности всех, о чем говорит заинтересованность одних в благополучии других. Дадим же возможность проявиться естественной солидарности, представляющей собой выражение божественного плана установления всеобщей гармонии.

Сказанное свидетельствует, насколько идея солидарности стала предметом разных интерпретаций. На протяжении первой половины XIX в. она варьировала между чисто сентиментальной концепцией любви и симпатии к себе подобным, побуждая к взаимопомощи (вместе с опирающейся на факты концепцией, согласно которой общество – живой организм, а жизнь – это солидарность, то есть координация и объединение сил), и нормативным подходом, который некоторые будут разоблачать как «натуралистический софизм». Согласно этому, естественный закон указывает нам путь коллективной организации.

Ранние поборники солидарности столкнулись с двумя трудностями из-за внутренней противоречивости этого понятия:

- Как солидарность может представлять собой одновременно и факт и идеал? Если бы она была только реальным фактом, достаточно констатировать ее наличие, не требовалось бы столько сил к ее осуществлению. Кроме того, взаимозависимость не всегда хороша. Хозяин (капиталист) может быть солидарен с рабочим так, как лев солидарен с добычей. Ответ на этот вопрос нашли быстро. Существуют две формы солидарности: одна хорошая, другая – плохая. Та, которую надлежит поддерживать и развивать, представляет собой сознательную и добровольную солидарность, организуя сотрудничество всех во имя общего интереса.

- Но о какого рода общности должна идти речь? Эта проблема – одна из самых острых и сложных среди тех, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Всеобщность (универсальность) во имя единства рода человеческого изначально сопровождает идею солидарности. Естественная солидарность не имеет границ. Либеральный экономист Г. де Молилари защищал принцип всемирной, надгосударственной солидарности поверх политических границ. Тем не менее добровольная солидарность с проблемой границ сталкивается. Этот вопрос вызвал в дальнейшем смещение представлений о солидарности в юридическо-политическую плоскость. Он будет разрабатываться Ш. Ренувье – философом, который при Второй Империи посвятил себя выработке новой философии во благо Французской Республики. Его дело продолжили два крупных социальных мыслителя – А. Фуллье и Э. Дюркгейм.

В основе права. Солидарность во зло

Ш. Ренувье ставит солидарность в основу правового строя, подводя под него интеллектуальные скрепы. В сорок восемь лет, после шока от бонапартистского переворота, он стал индивидуалистом и либералом в философском значении этих слов и работал над единственным вопросом: как учредить республику как строй свободы. Такой строй, ставя на первое место индивидуальные свободы, должен был, однако, противодействовать проявлениям «солидарности во зло», то есть распространению несправедливости через обычаи и институты. Как согласовать индивидуальную свободу с коллективной ответственностью, налагаемой взаимозависимостью людей? Решение через понятие солидарности основывалось на представлении, что свобода индивида приходит с признанием необходимости соблюдения прав и свобод других членов общества. Индивид не утрачивает свободы из-за солидарности, он обретает в ней осознание своей ответственности; он, подчеркивал О. Конт, вынужден видеть себя как «звено в цепи поколений». Свобода и солидарность вовсе не антиномии, они соучаствуют в генезисе справедливого строя.

Только свободная воля объединенных в общество людей может противостоять состоянию «войны всех против всех», позволяет выстроить справедливый правовой строй. Так Ренувье обновлял, реформировал давнюю теорию общественного договора, понимаемого не как фикс-

рованный акт локального характера, но как акт, непрестанно обновляемый, как предмет переговоров и перманентного пересмотра его участниками. Он опирался также на естественную связь солидарности, чтобы сформулировать один из субъективных источников проявляющегося у людей чувства долга. То самое чувство долга, отмечаемое повсеместно в человеческих обществах, присутствие которого ведёт к тому, что каждое приходящее в этот мир человеческое существо изначально ощущает себя должником и осознает это из обмена услугами и необходимой взаимности. Так Ренувье переориентировался на концепцию солидарности в политике.

Договорное общество

Эта концепция развивается А. Фуллье (1838-1912) и Э. Дюркгеймом (1858-1917) – двумя авторами, оригинальность которых в рассмотрении эволюции правовых систем разных обществ как индикатора социальной связи. Как показал Генри Самнер Мэн (Sumner Maine), эти системы перешли от предписанного социального устройства к социальному устройству на основе договора. Следовательно, надо осмыслить человеческую общность, исходя из идеи общественного договора, полностью сохраняя при этом идею господства естественной связи, объединяющей людей. В книге *«Современная социальная наука»* (1880) Фуллье задается вопросом об истоках человеческих обществ. Что они: порождение воли людей, или продукт естественной эволюции? Он разрешает эту дилемму, предлагая ввести термин «договорного организма» (*«organisme contractuel»*), понимая под ним такой социальный организм, который реализуется, познавая себя и одновременно желая развивать себя. Договор имеет целью сделать этот организм всё более совершенным и прочным.

Договор, о котором у него идет речь, не представляет собой четко сформулированного документа и того, что юристы обозначили как «квази-договор». Это подразумеваемый, имплицитный договор, связывающий индивида с обществом, подписанный индивидом через его согласие жить в обществе: «Мы рождаемся в определенном обществе, и это совершается помимо нас. Несомненно, это так, но мы принимаем это как свершившийся факт, и когда мы достигаем совершеннолетия, мы придерживаемся выполнения общественного договора самими нашими действиями, живя в лоне государства и подчиняясь его общим законам» [Fouille, 1880: 115].

Помимо этого нечто очень существенное содержится в договорно-правовых обязательствах, а именно – обязательство возмещения. Речь не идет только о том, чтобы искупить вину, как в уголовном праве. Надо исправить, компенсировать зло, которое совершено. В соответствии с правилами этой более развитой юриспруденции любой договор об обмене, дарении предполагает, что вместе с выгодами и доходами получатель берет на себя и издержки, ранее признанные и принятые. И среди этих издержек фигурирует возмещение ущерба и устранение несправедливостей, совершенных, возможно, другими. Взяв на вооружение понятие «возмещающей юстиции», относящееся к идее договорно-правовых обязательств, и распространяя обязательство возмещения на действия, вина за которые ложилась на предшествующие поколения, Фуллье считает возможным ввести понятие «социальный долг». Чем больше право учитывает личную свободу, тем больше оно требует от людей брать на себя также связи с другими, особенно – связи с действиями, совершенными теми, кому они наследуют. Вывод напрашивается: кто говорит «договор», тот говорит «солидарность». «Кто принимает наследство, тот принимает на себя долги завещателя так же, как и его состояние. Так между живым и мертвым добровольно устанавливается связь солидарности. Этот же феномен воспроизводится в больших масштабах в обществе в целом. Следовательно, приняв общественный договор в том состоянии, в котором он был оставлен предшествующими поколениями, нынешние поколения приняли заодно с ним блага и издержки ассоциации, в которую они вступили, и среди этих издержек оказывается общий долг возмещающей юстиции. Таким образом, со всех точек зрения этот долг нельзя гасить за счет государства» [Fouille, 1880: 369-370]. Философ может оправдывать вмешательство государства: функцию возмещения при социальном строе не может исполнять ни один отдельно взятый человек, ни группа индивидов; она ложится на всех членов общества; она является предметом коллективных действий.

Э. Дюркгейм анализировал эволюцию обществ с опорой на выяснение характера правовых связей, соединяющих их членов. Целью его опубликованной в 1893 г. диссертации: «О разделении об-

щественного труда» было выяснить, как и почему индивид, становясь более автономным, попадает во все большую зависимость от общества.⁴ Констатируя эволюцию слабо дифференцированных обществ, где индивиды связаны «механической солидарностью», и эволюцию обществ, члены которых более индивидуализированы и теснее соединены друг с другом через солидарность, квалифицируемую как договорную и ориентирующую на кооперацию («органическая солидарность»), он приходит к заключению: право, помимо выполнения роли индикатора социальной связи, является оператором связи, инструментом истинной солидарности, которая объединяет людей системой прав и обязанностей. Дюркгейму удалось сохранить реальность связей, предшествующих договору, уз любви и совместной жизни, указав вместе с тем на огромный прогресс в области формирования социальной сплоченности и в регулировании договоров государством. Иными словами, общность с ее традициями и ее коллективным сознанием предшествует правовому и политическому обществу. Но именно государство гарантирует сотрудничество и справедливость договоров, то есть, с точки зрения Дюркгейма, истинную солидарность.

Политическое утверждение идеи

Идея солидарности осуществила большой политический прорыв с изданием в 1896 г. небольшой книжки, имевшей значительный общественный резонанс. Она называлась «Солидарность» и была опубликована Л. Буржуа, адвокатом по профессии и бывшим премьер-министром⁵. Ее центральное положение довольно простое: на основании только того факта, что мы живем в обществе, мы несём обязанности перед нашими современниками и потомками. Нас объединяет с ними долг солидарности. Гений адвоката Буржуа состоял в том, что он вновь стал использовать этот юридический термин в описании отношения взаимного долга всех членов общества, чтобы разрабатывать «теорию совокупности прав и обязанностей человека в обществе». <...>

Учение солидаризма для Третьей Республики. В конце 1880-х гг. в Третьей Республике, терзаемой внутренними конфликтами (буланжизм, Панамский скандал, крупные забастовки), требовалось дать ответ на социальный вопрос. В борьбе между наступавшим либерализмом и коллективистским социализмом солидарность позволяла согласовать два требования, которые внешне противоречили друг другу: обеспечение индивидуальных свобод и социальной справедливости. Даже определение республиканского государства вовлекли в этот процесс. Роль государства, утверждал Л. Буржуа в 1904 г., состоит в том, чтобы выступать гарантом и даже участником процесса формирования социальных связей: «Демократическая республика – нечто большее, чем политическая республика: это социальное государство, основанное на свободе каждого и солидарности всех». Через законодательство государство обеспечивает уважение обязанностей каждого по отношению ко всем. Оно поощряет все инициативы ассоциативного и кооперативного характера. Оно занимает место гражданского общества в областях, где частное вмешательство оказывается неуместным. В ту эпоху Францию более всего беспокоила идея «опекунского» государства, как его строил Бисмарк, больше страна не верила в добродетели и блага свободной кооперативной ассоциации. Перед лицом авторитарных моделей, таких как прусская или коллективистская, учение о солидарности стало выражением социальной модели «по-французски» (напомним, в те времена в Европе было только две республики – Франция и Швейцария). Идея солидарности представляла, таким образом, новую концептуализацию функций государства. Она позволяла ослабить власть государства, одновременно расширяя его полномочия. Когда государство подчиняется правовому регулированию, оно теряет часть власти, понимаемой как господство. Но государство должно вмешиваться, гарантировать выполнение социального договора и соблюдение принципов справедливости и равенства в договорах оказания услуг во имя общего интереса. Такое государство соответствует сущности общества, которому надлежит быть солидарным объективно, но оно субъективно предполагает, что для его функционирования необходима добровольная конкуренция социальных субъектов. В этом отношении государство имманентно является республиканским.

⁴ Дюркгейм пишет: «Что касается вопроса, положившего начало этому труду, то это вопрос об отношении между индивидуальной личностью и социальной солидарностью» [Durkheim, 1893] – прив. по: [Дюркгейм, 1991: 41-42]. – Прим. пер.

⁵ Л. Буржуа являлся депутатом парламента, государственным и общественным деятелем, занимал пост премьер-министра (1895-1896) и министра публичного образования.

Доктрина солидарности вписывается в традиции прав личности и философию общественного договора. Она учитывает и уважает права индивида, индивида конкретного, его связи с подобными ему другими. Идея солидарности позволяет преодолеть либеральное ограничение, показывая, как свобода порождает оберегающие эту свободу позитивные обязательства. Это философия индивидуализма, но индивидуализма исправленного в свете факта существования общества, как сказали бы после дела Дрейфуса. Истинный индивидуализм – это индивидуализм «личности», предполагаемой взятой в ее социальном существовании, а не как изолированный и абстрактный индивид. Эта концепция ведет к расширению самой идеи права: основывая новый тип права – «социальное право», солидаризм отбрасывают традиционное разделение между приватным и публичным.

Это учение было ориентировано на практику обоснования редистрибутивной налоговой политики, регулирования договоров между хозяевами и персоналом и снижения рисков и прибылей через обязательное страхование. Однако очень быстро его использование стало приводить к расширению прерогатив государства, вводившего новые службы, отвечающие насущным потребностям граждан. Обратимся к определению Л. Дюги – юриста, близкого к солидаристам, относившего к публичным услугам «любую деятельность, введение которой должно обеспечиваться, регулироваться и контролироваться властями, потому что эту деятельность в силу социальной взаимозависимости необходимо осуществлять через взаимодействие, и она может быть в полной мере реализована только с участием правительственных сил» [Duguit, 2007: 73].

Отметим: солидарность – это одновременно и то, что есть, и то, что должно быть. Поскольку ни один индивид не может ни существовать, ни реализовывать свою свободу вне социальной общности, к которой он принадлежит, каждый должен содействовать укреплению отношений взаимной зависимости. Пока не идет речь о «социальной сплоченности». Но введение в обиход оказываемой государством услуги – общее благо, также отвечало убеждению, что в общих интересах оказывается и возрастание взаимозависимости людей.

Солидарность быстро стала обязательной основой образования. Главная трудность состояла в том, чтобы убедить людей свободно согласиться на справедливый договор об обмене услугами. Л. Буржуа, обратившийся к проблематике самоорганизации гражданского общества через развитие кооперативов и организаций взаимопомощи, желает «передать инструмент реституционного правосудия не в руки государства, действующего путем применения власти и навязывающего произвольно людям условия их социального существования, но передать в руки всех людей, свободно соглашающихся на оплату общего долга» [Bourgois, 1896: 145].

Социальная республика может опереться только на согласие граждан; требование добровольного согласия – основополагающее. Оно будет конкретизироваться до 1914 г. при обсуждении идеи солидарности, а также посредством мероприятий во всех образовательных инстанциях. Успех будет иметь тема осознания каждым того, что он в долгу перед общностью, иными словами – «воспитание социального чувства». Важно, чтобы люди воспринимали себя как социальные существа и принимали обязательства, вытекающие из их связей с другими. Единственным средством обеспечения этого со стороны социальной республики было обучение солидарности. Тем не менее эта идея столкнулась с серьезными трудностями философского и практического плана, с критическими трудностями, многие из которых не утрачивают силы и в наши дни. Как социализировать молодежь? Можно ли совместить в образовании формирование личности и ее включение в коллектив?

Социализировать людей. Конечно, солидарность – прежде всего научно подтверждаемый факт: мы все зависим друг от друга. Но такая реальность, понимаемая и корректируемая исходя из идеала справедливости, может стать основой принятия обязательств в общественной жизни при условии, что этого желает масса индивидов. Если требуется отстаивать свободу, необходимо, чтобы индивидуальные воли были готовы сами подчинять себя определенным правилам во имя справедливости. Если люди намерены заменить борьбу за жизнь союзом ради жизни, надо, чтобы они были готовы взглянуть на себя с точки зрения коллектива. Две цели – индивидуальная свобода и социальная справедливость – могут казаться несовместимыми тому, кто видит лишь свою собственную свободу и кого можно убедить в чем-то только через единство группы. Солидарность обязательно проходит стадию обучения «социальному чувству». Такое обучение должно научить молодых людей объективному факту взаимозависимости, сделать их эмоционально ощущающими преимущества единения. «Социализировать людей» – такой была образо-

вательная программа, о реализации которой шла речь. Знание и чувства должны были стать столпами этого обучения.

На протяжении нескольких лет обучение солидарности внедрялось в официальное образование республики. Л. Буржуа в 1895 г. сформировал «инициативную группу социального воспитания и обучения» в целях более четкого определения солидарности и пропаганды способов ее осуществления: «Общество не сможет жить в безопасности и в мире, если составляющие его люди не сумеют объединиться и добровольно дисциплинировать себя общим представлением о социальной жизни, ее целях и своих обязанностях. Конечной целью национального образования является формирование этого единства умов и волеизъявлений» [Bourgeois, 1897: 1]. Он нашел поддержку кооперативного движения. Учителя оказались самыми активными распространителями доктрины. В 1881 г. по инициативе Лиги образования были организованы общества взаимопомощи и обучения, которые Буржуа определял как «общества, где осуществляется практическое обучение солидарности». В те годы профсоюзы еще были под запретом, преподаватели объединялись в «ассоциации» («amicales»), наиболее важное из которых именовалось «Солидарность» и выпускало журнал *Revue de la solidarité sociale*. На Всемирной выставке 1900 г. был организован «Конгресс социального обучения и воспитания», сопровождавшийся серьезными конфронтациями теоретических и практических подходов.

Энтузиазм пионеров быстро распространялся, вначале конкретизируясь в написании руководств по нравственному воспитанию, затем – в официальных программах нравственного и гражданского воспитания (1909). Но обучение солидарности быстро натолкнулось на трудности. Первая: некоторые восприняли солидарность как софизм, другие как «примирение». Речь идет о попытке осуществления в отношении солидарности стыковки естественной необходимости с нравственным императивом, реальных действий с регулирующей их нормой. Между законами природы и законами сознания лежит пропасть, все ее ощущают и некоторые о ней говорят. Опыт попытки обучения наглядно выявил трудность соединения афишируемого солидаристами сциентизма с решительным рационализмом, на который они также претендовали. Многие, в первую очередь Ф. Бюиссон, А. Дарлу и Э. Бутро, выразили скептицизм, выступив за воспитание соответствующего индивидуального сознания как неперменного предварительного условия солидарных действий.

Вторая трудность внешне выглядит практической, тем не менее, затрагивая основные компоненты понятия. Как сделать так, чтобы учение принесло плоды? Достаточно ли изучить законы солидарности, основанной на фактах, и привлечь к сотрудничеству, чтобы дети поняли предлагаемый идеал и присоединились к нему? Несомненно, идея солидарности многое выигрывала от обращения и к сердцу и к разуму. Через развитие взаимовыручки и привязанности к группе кажется не трудным привить молодым людям вкус к совместному действию. Но имеет ли это действие столь уж нравственный характер? Р. Кузине⁶, долг излучавший детские и юношеские сообщества, в этом не был убежден и заявлял, что долг учителя в том, чтобы сперва избавить детей от слепой тиранической солидарности, характерной для групп сверстников. Другие полагали, что когда солидарность освобождается от религиозных корней, обучение лишается основного «условия эффективности», возможно, точно так же, как любое светское воспитание нравственности.

Несмотря на все вопросы научения солидарности, сама эта идея будет продолжать оказывать сильное влияние в период между двумя мировыми войнами и в качестве передаваемой молодым поколениям ценности. Упорно будут настаивать на необходимости развития «духа солидарности» в школе [Piaget, 1930: 11-27]. В 1936 г. министерские инструкции Жана Зе⁷ также станут призывать к развитию солидарности и «социального чувства» в детях, в частности, методом центра интересов Декроли. Вместе со своим двойником – кооперацией, солидарность останется одной из неизменных тем движения за новое образование.

Проблематичное возрождение сегодня

Политически идея солидарности с началом Первой мировой войны утратила ореол и совершенно поблекла, когда на Востоке запылало зарево революции, позже испытав некоторый возврат интереса (крайне правых в 1933 г. и левых в 1936 г.). Она робко появилась в конституции 1946 года

⁶ Роже Кузине (Roger Cousinet 1881-1973) – французский педагог, теоретик нового воспитания. *Прим. пер.*

⁷ Жан Зе (Zay, 1904-1944) – французский политик, министр народного образования в 1936-1939 гг., участник Сопротивления. – *Прим. пер.*

(«Нация прокламирует солидарность и равенство всех французов перед лицом жертв и тягот, которые им придется принять на себя в случае национальных бедствий»⁸). Сегодня мы видим ренессанс солидарности, который удивляет тем, что совершается в ситуации полной концептуальной размытости этой идеи.

В 1981 г., вскоре после рождения в Польше профсоюза «Солидарность» (1980), президент Миттеран учредил министерство Солидарности, сохранившееся и в правительствах правых. В 1987 г. энциклика папы Иоанна Павла II «*Забота о социальных вещах*» сделала из солидарности «истинно христианскую добродетель»; Европейская Хартия приняла ее как одну из фундаментальных ценностей Европейского Сообщества. Повсюду в Европе социальная политика получает имя политики солидарности. Гражданское общество не обходится без нее: множатся солидарные организации и начинания. Солидарность стала объединяющей идеей, её отстаивают правые и левые. Теперь она – популярное слово, которому придают самые разные значения, не всегда зная, каков его смысл.

Нет уверенности, что солидарность в наши дни воспринимается как реальный политический проект. Сегодня не осталось и следа от дебатов, происходивших вокруг нее в начале XX в. Как принцип она, с одной стороны, банальна, с другой – получила столь расширительное понимание, что возник вопрос: может ли она еще выступать руководством к массовым публичным действиям. Характеризуя в общих чертах современную концепцию солидарности, следует отметить две её версии. Во-первых, выраженная в государственной политике солидарность скорее «пассивная», если ее оценивать исходя из недавнего проекта возврата к «активной солидарности», нацеленной на «радикальное обновление ее осуществления». Во-вторых, солидарность сочетает проявления гуманности с проведением солидарных акций.

Первая версия главным образом ориентирована на перераспределение общественного продукта в пользу бедных и нуждающихся, на единство национальной общности и обеспечение прав каждого. Она напоминает, что общество, достойное этого имени, должно обеспечить составляющим его индивидам действенную реализацию их прав, ранее провозглашенных.

Вторая версия разворачивается совершенно вне политической сферы. Это проявления сострадания к жертвам несправедливостей, поощрения дарений и пожертвований, развитого социального чувства. Мы встречаем ее среди мотивов американского миллиардера У. Баффетта, который 85% состояния передал благотворительным фондам. Данную идею представил в свое время основатель доктрины Л. Буржуа: наибольшая часть наших ресурсов в нас самих и в нашей собственности имеет социальное происхождение; мы должны прилагать общие усилия, чтобы она служила нашему общему благу. Как пишет современный автор, «Лично я считаю, что общество несет ответственность за значительную долю того, что я заработал. Переместите меня из моей среды куда-нибудь в Бангладеш или Перу, и вы увидите, смог бы я там раскрывать себя и реализовывать этот принадлежащий мне талант вне сообщества, в котором вырос, когда окажусь на иной почве – худшего типа» [Lowe, 1997: 164].

Иначе говоря, индивид – всего лишь хранитель и пользователь имущества и благ, значительная часть которых общие. Способности индивида принадлежат, разумеется, ему, но обретают ценность только в рамках социальной кооперации. Мы коснулись здесь вопроса ограничения сферы применимости республиканской догмы меритократического общества, поскольку ясно: заслуги любого имеют источники не только в нем самом. Как вывести для школы формулу «справедливого равенства шансов» после того, как права всех на образование и обучение будут обеспечены? Эти две версии вписываются в пейзаж, предлагавшийся Л. Буржуа. Сравнение нынешней ситуацией с ситуацией начала 1900-х гг. позволяет яснее видеть новые вызовы и требования, которые перед нами возникают. В заключение попытаюсь раскрыть некоторые из них.

1. В определении солидарности у Буржуа акцент сделан на личной свободе и ответственности всех. Мы видим: сегодня формируется иная концепция солидарности, более индивидуалистическая, ориентированная на обеспечение прав каждого. Мы перешли от идеи взаимного долга к утверждению индивидуальных прав. За это время философия прав человека разработана глубже и обстоятельнее. Кроме того, ожидания граждан в области прав претерпели эволюцию. Теперь они обращены к государству. Мы видим беспрецедентное отстаивание различных «прав на...» при од-

⁸ Пункт 12 Преамбулы Конституции от 27 октября 1946 г., которую сменила ныне действующая Конституция от 4 октября 1958 г. – *Прим. пер.*

современной утрате смысла, заложенного в понятия обязанности и взаимной ответственности, ключевые в исходном определении солидарности. Одна из проблем, с которыми мы столкнулись – вопрос о том, не превращён ли социальный долг в ничем не ограниченные права на кредиты при молчании политического общества, которое только и может обеспечить такие права. Именно обществу и составляющим его гражданам выпадает задача беспрестанной доработки правовых принципов, на которые опираются гражданские права. В политической сфере в свое время не стали выяснять, у всех ли граждан проявится сознательное стремление трудиться на основе кооперации друг с другом. Сегодня мы живем в обществе, где государство превратилось в гигантскую машину, производящую индивидов. И эти индивиды обрели право совершенно не думать над тем, что живут в обществе.

К тому же, когда политики говорят о «солидарности», они сводят ее к политике помощи малоимущим. Они выделяют их в отдельную категорию, обозначают как получателей социальной помощи, что мало способствует выработке всеми представителями сообщества чувств общности и сознания ее целей. Сознание меры коллективной ответственности при этом стирается, проявляет тенденцию к исчезновению, как и понимание взаимосвязи прав и обязанностей. Ключевым словом становится «возложение ответственности» на бенефициаров. Однако всё это, – налоги, взаимное страхование, реализация прав на труд, на образование, на пользование государственными и коммунальными услугами, в представлении первых теоретиков солидарности должно было содействовать осознанию коллективной ответственности.

2. Вторая трудность касается рамочных ориентиров. Конечно, «солидарность не имеет границ», заявлял министр Мильеран на открытии всемирной выставки 1900 г. Л. Буржуа⁹, выступая за создание Лиги наций и «всеобщую политику предотвращения социальных конфликтов», был настроен на постепенное распространение принципа солидарности на всю планету. В большей мере, чем в 1900 г., сегодня есть основания ориентироваться на глобальные масштабы солидарности. Однако широкие масштабы вызывают тенденцию к забвению реальных сообществ, внутри которых принцип только и обретает эффективность. Проблема в том, чтобы достичь согласования масштабов применения принципа солидарности: национального, европейского, международного, локального. Принцип солидарности на деле требует четкого определения рамок и границ применения. Сам по себе этот принцип не даёт эмпирических, технических способов реализации требований социальной справедливости, от которой он неотделим, предполагая дискуссии и обсуждения.

3. Сегодня мы сталкиваемся с новыми вызовами, в том числе с финансовой глобализацией и угрозами в плане санитарного состояния территорий, сохранения окружающей среды. Конкретика солидарности не перестает уточняться. Мы не можем быть солидарны только в отношении современников. Мы ответственны за Землю, которую оставим детям. Таков глубинный смысл идеи солидарности: солидарность как со всеми современниками, так и со всеми будущими поколениями. Однако наши либеральные общества наталкиваются на парадокс, отмеченный У. Бекон: восхваление рисков предпринимательства и конкуренции при одновременном осуществлении беспрецедентно широких мер предосторожности. Сведение солидарности к безопасности ведет к формированию разобщенного общества. Это порождает опасность десоциализации богатых в обеспечении социальной защиты и превентивных мер в отношении остальных.

4. Наконец, следует учитывать проявления альтруизма и сочувствия, прослеживаемые в истоках идеи солидарности. Нам осталось найти способ соединения политической солидарности с солидарностью, которая сплачивает индивидов, или, иными словами, того, что Ж. Дювиньо (Duvignaud) назвал «связью сердца» со «связями разума». Как поддержать взаимовыручку и практики дарения, интегрировав их в общий проект по «формированию общества»? Как примирить друг с другом развитие начинаний и предприимчивость, исходящие из гражданского общества, с гарантиями справедливости и стабильного обеспечения ее обществом? Об эмпатии и сострадании предпочитают много говорить СМИ, которые будоражат граждан, сообщая о разного рода бедствиях и катастрофах. На второй план отодвинут анализ причин такого положения. С другой стороны, политика государственной поддержки больше не выражает волю всех членов сообщества и их стремления трудиться во имя взаимной кооперации. Она перестает быть реально политическим проектом.

⁹ Л. Буржуа возглавлял французскую делегацию на Гаагской конференции (1899), был министром иностранных дел Франции в 1906 г., делегатом Парижской мирной конференции 1919 г., членом комиссии по подготовке устава Лиги Наций. Удостоен Нобелевской премии мира. – *Прим. пер.*

Заключение

Солидарное общество – это общество, непрестанно балансирующее между индивидуальным и коллективным и основывающееся на стремлении к взаимности и на обмене. Оно предполагает, что инициативы индивидов и коллективов получают поддержку, государство не отворачивается от них, выступая гарантом справедливости и преемственности в обществе, и прежде всего – коллективного обсуждения. От социального государства с видением организации некоего общества, претендующего на освобождение каждого, мы перешли к государству – корректору недостатков рыночной экономики. Без коллективной ответственности, которая проходит через обсуждения и договорные соглашения, солидарность скорее наносит защитный слой, заделывает бреши в обществе, охваченном неистовым индивидуализмом. Однако во времена глобализации мы должны быть солидарны, как никогда. Остается выбрать, как и в каких рамках. Сможет ли солидарность снова обрести характер общественного договора, или она будет сведена к современной версии давней филантропии, к проекту общества, построенного на страхах и поиске безопасности?

Перевод с фр. А.А.Зотова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Beck U (2003) *La Société du Risque*. Paris: Flammarion.
Bourgeois L. (1896) *Solidarité*. Paris: Armand Colin.
Bourgeois L. (1897) *L'Éducation de la Démocratie Française*. Paris: E. Cournely.
Duguit L. (2007) *Manuel de Droit Constitutionnel*. Paris: Éditions Panthéon-Assas.
Durkheim E. (1893) *De la Division du Travail Social*. Paris: Alcan.
Fouillée A. (1880) *La Science Sociale Contemporaine*. Paris: Hachette.
Leroux P. (1840 (1845) *De l'Humanité, de son Principe, et de son Avenir, où se Trouve Exposée la Vraie Définition de la Religion et où l'on Explique le Sens, la Suite et L'enchaînement du Mosaïsme et du Christianisme*. Paris: Perrotin.
Lowe J. (1997) *Warren Buffet speaks: Wit and Wisdom from the World's Greatest Investor*. New York: John Wiley: 164.
Piaget J. (1930) L'esprit de solidarité chez l'enfant et la collaboration internationale. In: *Recueil Pédagogique*. Vol. 2. No. 1: 11-27.

Статья поступила: 09.04.18. Принята к публикации: 18.04.18.

SOLIDARITY

BLAIS M.-C.

Rouen-Normandy University, France

Marie-Claude BLAIS - Dr. Sci. (Ph.D in Pedagogic sciences), Prof. of Rouen-Normandy University, France.

Abstract. The article shows how the idea of solidarity was born and developed during the XIX century, responding to the difficulties of understanding the social connection between individuals. Solidarity in our time means a set of moods and actions of citizens to provide mutual support aimed at strengthening the cohesion of society. In nineteenth century France it also had other meanings.. With the use of Saint-Simon's metaphor of society as a living organism, supplemented by the concepts of function, association and cooperation, the concept of solidarity was initially developed by Pierre Lerou basing on Christian tradition. But it was in "solidarisme" of Leon Bourgeois that solidarity gained political expression, becoming the doctrine of the Third Republic. Socialization of people solidarity learning was announced in the early 20th century as the task of French schools.

Keywords: solidarity, socialization, cooperation, mutual assistance, social integration, moral unity of society.

Received: 09.04.18. Accepted: 18.04.18.